

Около десяти часов вечера Су Ань и несколько сотрудников компании сопровождали Цзи Цзиня, возвращавшегося в отель после очередного официального мероприятия.

Су Ань вышла из машины и заботливо напутствовала:

— Ложись-ка сегодня пораньше. Ты целую неделю спал от силы по два-три часа в сутки. Еще немного — и прозрачным станешь.

— А чем плохо стать прозрачным? — небрежно отозвался Цзи Цзинь. — Я совсем не чувствую усталости.

— Не чувствуешь? Тоже мне, феномен! — шутливо фыркнула Су Ань. — Да, кстати, Сяо Юй сегодня ночует в твоём номере. Постарайтесь найти общий язык, пока есть возможность. С завтрашнего дня он будет следовать за тобой тенью.

— Так ты хочешь, чтобы я лег пораньше или чтобы мы с ним познакомились?

— Делай что хочешь, разве я посмею тебе указывать? — рассмеялась Су Ань. — Завтра у тебя всё равно выходной, целый день свободен. Так что решай сам.

Едва переступив порог отеля, Цзи Цзинь хотел было что-то добавить, но внезапно услышал приглушенный, взволнованный шепот. Обладая феноменально чутким слухом, он сразу уловил эти звуки и резко повернул голову на источник шума.

В дальнем углу вестибюля, полускрытые массивной колонной, стояли две юные девушки. С лихорадочно блестящими глазами они наводили на него камеры смартфонов. Заметив его взгляд, обе испуганно вздрогнули и торопливо спрятали телефоны.

Цзи Цзинь высоко вскинул брови:

— Опять вы?!

Лицо Су Ань при виде незваных гостей мгновенно потемнело.

— Как вы только сюда пробрались? — сурово приструнила она их. — В вашем возрасте за учебниками сидеть надо, а не следить за людьми круглыми сутками! У вас вообще родители есть?

Девчонки заметно смутились, но одна из них упрямо вскинула голову:

— Кого это мы преследуем? Мы просто зашли в отель перекусить.

Цзи Цзинь лишь презрительно фыркнул, а Су Ань устало покачала головой.

Эти двое были типичными сасэн-фанатками Цзи Цзиня, преследовавшими его уже несколько месяцев. Неизвестно, какими путями они пользовались, но им каким-то образом удавалось заранее узнавать его расписание. Они караулили артиста у отелей, концертных залов и съемочных площадок, шпионя и устраивая скрытую съемку. Цзи Цзинь извелся от их навязчивости. Он не раз делал им жесткие выговоры, но фанатки упорно игнорировали любые предупреждения.

Су Ань поняла, что говорить с ними бесполезно. Подозвав дежурного охранника, она сухо распорядилась:

— Пожалуйста, выставьте этих посторонних на улицу и проследите, чтобы они не вздумали подняться на жилые этажи. Если из-за них пострадает покой наших гостей, дело закончится официальной жалобой руководству.

Начальник смены поспешил заверить ее, что всё сделает в лучшем виде. Разобравшись с охраной, Су Ань потянула Цзи Цзиня к лифтам.

В лифте Цзи Цзинь по-прежнему стоял мрачнее тучи. Су Ань прекрасно понимала, как сильно его злит и утомляет подобное преследование. Желая хоть немного разрядить обстановку, она попыталась сменить тему:

— Как придешь в номер, поговори с Сяо Юем. Вы ведь ровесники, наверняка быстро поладите.

— И о чем нам разговаривать? — раздраженно бросил Цзи Цзинь. — Я музыкант, он — спортсмен. Предлагаешь обсудить Баха с Бетховеном или посчитать, сколько тонн железа он перетаскал за свою жизнь? А может, сравним, кто из нас в школе хуже сдал экзамен по математике?

Су Ань благоразумно промолчала. Действительно, лезть на рожон, когда Цзи Цзинь не в духе, было верхом безрассудства.

«Хорошо, что теперь у меня есть Шэнь Цинъюй, — с облегчением подумала она. — Пусть берет удар на себя...»

С тихим звяканьем створки лифта разошлись. Цзи Цзинь стремительным шагом направился к своему номеру, приложил электронную карту к замку и с грохотом захлопнул за собой дверь. Оставшись в коридоре, Су Ань мысленно развела руками и побрела к себе.

Шэнь Цинъюй сидел в гостиной с книгой в руках. Услышав щелчок замка, он сразу поднял

взгляд на дверь.

Цзи Цзинь переступил порог и на мгновение замер, удивленный переменной во внешности нового помощника.

Шэнь Цинъюй переоделся в простую белую футболку и свободные черные брюки. Этот лаконичный домашний образ удивительно шел ему, подчеркивая природную статью. Он только что из душа — влажные волосы мягко спадали на лоб. Но сильнее всего его облик меняли очки в тонкой черной оправе. Если днем он казался просто добродушным парнем, то теперь выглядел как утонченный интеллект.

Отложив книгу, Шэнь Цинъюй поднялся навстречу:

— С возвращением... А-Цзинь.

Цзи Цзинь подошел ближе, скользнув взглядом по обложке:

— Что читаешь?

Тот перевернул книгу, демонстрируя название: «Исследование влияния психологической регуляции на душевное состояние мастеров ушу».

Цзи Цзинь пробежал глазами по строчкам дважды, прежде чем уловить суть столь громоздкой формулировки.

— Зачем тебе это? — недоуменно спросил он. — Судя по названию, пособие скорее для тренеров.

Шэнь Цинъюй мягко улыбнулся:

— Верно. Я подумывал о тренерской карьере после завершения выступлений.

«Завершил карьеру? — недоумевал Цзи Цзинь, переводя взгляд на его очки. — Но разве ты не ушел из спорта еще пять лет назад?»

— У тебя плохое зрение? — спросил он вслух.

— Нет, только левый глаз немного подводит. В повседневной жизни это не мешает, надеваю их только для чтения. — Поняв, что почитать больше не удастся, Шэнь Цинъюй аккуратно снял очки и убрал их в карман. — Хочешь чего-нибудь выпить, А-Цзинь?

Он только обживался в роли личного телохранителя и помощника, поэтому еще не до конца представлял круг своих обязанностей.

Цзи Цзинь качнул головой:

— Если мне что-то понадобится, я скажу сам. Об остальном не беспокойся.

— Хорошо.

Цзи Цзинь отступил на шаг, вновь оценивающе оглядывая рослого юношу.

— Ты правда с самого детства занимаешься боевыми искусствами?

— Не совсем с детства. Серьезно заниматься саньда я начал только в двенадцать лет.

Для профессионального спорта это считалось довольно поздним стартом.

Впрочем, Цзи Цзинь помнил данные из его резюме: победы на провинциальных чемпионатах по саньда, титул абсолютного чемпиона страны по смешанным боевым искусствам (ММА) и три года изнурительных боев в Таиланде, принесшие ему золотые пояса двух престижнейших стадионов Муай-Тай. Если и не гений единоборств, то уж точно боец редкого, выдающегося дарования.

Только вот сопоставить столь грозный послужной список с реальным обликом Шэнь Цинъюя было непросто. И дело заключалось не столько в его привлекательной внешности, сколько в самом поведении. Спокойная, размеренная речь, вежливость и полное отсутствие какой-либо агрессии — трудно было представить, как этот мягкий человек выходит на арену, чтобы калечить соперников.

— Ты занимался саньда, освоил джиу-джитсу, выступал в тайском боксе, — перечислил Цзи Цзинь. — Так к какому направлению ты себя относишь? Кто ты — саньдаист или тайбоксер?

— Мой основной профиль — ММА, то есть смешанные боевые искусства, — Шэнь Цинъюй на мгновение задумался, подбирая простые слова. — Это дисциплина с максимально свободным сводом правил. Слышал про ЮФС? Пожалуй, это крупнейший мировой промоушен на сегодняшний день.

Видя, что собеседник нахмурился, он поспешил пояснить:

— В любом спорте ключевое значение имеют ограничения. В классическом боксе бьют исключительно руками — ни удары ногами, ни локти, ни колени там недопустимы. В саньда арсенал шире, но там нет болевых приемов и борьбы в партере. Правила — вещь обязательная,

глупо ведь играть в бадминтон на теннисном столе. Однако когда рамок становится слишком много, боевое искусство неизбежно теряет практический смысл, сужаясь до пары-тройки эффективных движений. Но суть единоборств — это реальный бой. Именно так и родились смешанные боевые искусства. Здесь разрешено практически всё: любые удары, удушающие, болевые, борьба в стойке и на настиле. На одном ринге могут сойтись представители совершенно полярных школ. И главный критерий здесь предельно прост: выяснить, кто из соперников сильнее в бою.

Цзи Цзинь поморщился. Звучало это как описание варварской бойни.

— Но ведь там калечатся на каждом шагу?

— Не совсем так. Травматичен любой профессиональный спорт, и статистика повреждений в ММА не сильно отличается от других контактных единоборств.

— Но ты ведь сам ушел из-за травмы? — сорвалось с губ Цзи Цзиня.

Шэнь Цинъюй покинул арену, будучи совсем юным, ему и двадцати не исполнилось. Они с Су Ань были абсолютно уверены, что блестящую карьеру перспективного бойца перечеркнуло тяжелое увечье.

Собеседник едва заметно вздрогнул, в его взгляде промелькнула тень замешательства.

— Нет... Возникли кое-какие личные обстоятельства.

— Личные обстоятельства?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Шэнь Цинъюй упорно хранил молчание. Поняв, что продолжать расспросы бессмысленно, Цзи Цзинь недовольно нахмурился.

— Что ж, читай дальше, — его тон заметно похолодел. — Пойду отдыхать.

Шэнь Цинъюй проводил его взглядом до двери спальни и, когда замок защелкнулся, с досадой потер переносицу.

Больше Цзи Цзинь из своей комнаты не выходил. Позже, когда Шэнь Цинъюй уже собирался лечь спать, до его слуха донеслись звуки музыки. Мелодия то циклично крутилась на одном коротком отрывке, то замирала на поиске нужной ноты, то внезапно взмывала к совершенно новой теме.

Должно быть, музыкант работал над очередным эскизом или просто импровизировал в поисках вдохновения.

Шэнь Цинъюй ненадолго задержался у двери, прислушиваясь к хаотичным пассажам. Пусть эти обрывки еще не успели сложиться в полноценную гармонию, сама атмосфера чужого творчества странным образом согревала душу.

— Спокойной ночи, А-Цзинь, — едва слышно прошептал он в закрытую дверь.

Ночь давно вступила в свои права. Привыкший к строгому режиму боец чувствовал непреодолимую усталость. Номера в отеле имели неплохую звукоизоляцию, и ему достаточно было плотно закрыть дверь своей спальни, чтобы полностью оградить себя от шума, однако он лишь бросил взгляд на ручку и лег в постель, оставив дверь приоткрытой. Он засыпал под рождающиеся за стеной звуки, которые постепенно становились всё более плавными и глубокими.

Когда Цзи Цзинь открыл глаза и нащупал лежащий на тумбочке телефон, экран высветил половину четвертого утра. С тех пор как он лег в постель, прошло от силы два часа.

С досадой отбросив мобильный, он устало закрыл лицо ладонями.

Мучительная бессонница терзала его уже несколько суток подряд. Тело изнывало от изнеможения, мышцы гудели от тяжелой слабости, однако воспаленный разум пребывал в диком, лихорадочном возбуждении. В таком состоянии он чувствовал себя способным отработать подряд десяток грандиозных шоу со сложной хореографией и живым вокалом — лишь бы выплеснуть эту удушающую энергию. В сознании непрерывным потоком роились обрывки партитур, а нарастающий ритм воображаемых ударных заставлял сердце испуганно колотиться о ребра.

Поняв, что уснуть не удастся, он резким движением сел на кровати, набросил на плечи халат и поднялся. Бороться с хлынувшим потоком вдохновения было бессмысленно — оставалось только зафиксировать его на бумаге.

Он включил настольную лампу и подошел к столу, но стоило ему потянуться к стулу, как боковым зрением он уловил быстрое движение за плотной тканью штор.

Цзи Цзинь мгновенно подобрался и резко обернулся:

— Кто там?!

Ответом ему была тишина. Но темный силуэт за стеклом снова качнулся, а из-за балконной двери донесся едва различимый шорох, в котором угадывался негромкий металлический лязг.

Дыхание перехватило, ладони мгновенно взмокли от холодного пота. Цзи Цзинь начал

медленно пятиться к выходу, не сводя глаз с окна, и крикнул громче, пытаясь скрыть дрожь в голосе:

— Кто там?! Отвечайте!

Снова ни звука. Однако спустя мгновение за стеклом раздался тихий, сдавленный стон, какой бывает при сильном физическом усилии. Сомнений не оставалось — там прятался человек.

В голове вихрем пронеслись жуткие криминальные сводки об ограблениях и жестоких нападениях в отелях. Охваченный паникой, он рванулся к выходу, намереваясь позвать охрану, но не успел даже коснуться дверной ручки — дверь резко распахнулась снаружи.

На пороге стоял Шэнь Цинъюй в свободной домашней футболке и шортах. Его волосы были взъерошены после сна.

— Что случилось? — быстро спросил он.

Вид заспанного телохранителя с форменным беспорядком на голове подействовал отрезвляюще, и сковавший Цзи Цзиня ужас немного отступил.

Указав на зашторенное окно, он прошептал:

— Там, на балконе... кто-то есть.

Шэнь Цинъюй без колебаний направился к окну.

Цзи Цзинь рванулся следом и схватил его за руку:

— Стой! Не ходи туда, надо вызвать охрану.

Он вспомнил странный металлический скрежет и испугался, что у незваного гостя может быть оружие.

Шэнь Цинъюй мягко посмотрел на его побелевшие пальцы, вцепленные в рукав.

— Подожди в гостиной, — успокаивающе произнес он. — Я быстро проверю. Всё будет хорошо.

Он осторожно высвободил руку и бесшумно двинулся вперед. Его шаги были абсолютно неслышны.

Оставляя его один на один с опасностью Цзи Цзинь не собирался, а потому, преодолевая страх, крался следом.

Приблизившись к балконной двери, Шэнь Цинъюй затаил дыхание и осторожно, самым кончиком пальца, отодвинул край тяжелой портьеры. Снаружи царила ночная мгла, и балкон казался совершенно пустым.

Разглядев сквозь стекло безлюдную площадку, Цзи Цзинь недоверчиво нахмурился:

— Но я точно слышал голос! Нам не показалось.

Тогда Шэнь Цинъюй решительно распахнул шторы. Яркий свет из комнаты хлынул на балкон, полностью осветив его. На первый взгляд там действительно никого не было, однако в следующую секунду снизу донесся глухой, полный боли хрип.

Оба мужчины мгновенно переглянулись и бросились к перилам. То, что они увидели, заставило их резко измениться в лице.

За перилами, судорожно вцепившись побелевшими пальцами в металлические прутья, висела молодая девушка. На плече у нее болтался ремень компактной видеокамеры. Похоже, испугавшись шагов в комнате, она попыталась перелезть через ограждение, но вовремя сообразила, что находится на четвертом этаже — а это добрых пятнадцать метров высоты. Прыгать она не решилась, а вернуться обратно сил уже не хватало. Лицо девчонки багровело от крайнего напряжения, пальцы сантиметр за сантиметром соскальзывали с гладкого металла.

— Помогите... спасите... — едва слышно прошептала она, широко раскрытыми от ужаса глазами глядя на них.

Цзи Цзинь мгновенно узнал ее — это была одна из тех самых дневных сасэн-фанаток. Гнев и изумление захлестнули его:

— Ты?! Как ты...

Шэнь Цинъюй среагировал мгновенно. Заметив, как предательски разжимаются пальцы несчастной, он в долю секунды просчитал ситуацию.

«Она срывается! — пронеслось в его голове в долю секунды. — И если она сейчас разобьется на глазах у Цзи Цзиня, что тогда с ним будет?»

Цзи Цзинь, несмотря на ярость, рванулся вперед и перегнулся через перила, пытаясь ухватить девчонку, но стоило ему протянуть руки, как фанатка окончательно потеряла опору и с коротким криком сорвалась вниз.

У Цзи Цзиня перехватило дыхание, перед глазами всё поплыло. Но в самый последний, критический миг крепкая мужская рука мертвой хваткой вцепилась в запястье падающей девушки.

Шэнь Цинъюй в едином стремительном броске перемахнул через ограждение балкона и повис на нем, удерживая ее вес.

Сердце Цзи Цзиня, готовое выскочить из груди, медленно вернулось в привычный ритм. Однако не успел он перевести дух, как тишину ночи разорвал резкий, отчетливый треск лопающегося металла.

Стоило Цзи Цзиню понять, что именно лопнуло, как последняя нить самообладания в его сознании оборвалась.

На лице Шэнь Цинъюя отразилось крайнее изумление. Настенный кронштейн для цветочного вазона, за который он держался свободной рукой, не выдержал двойного веса и с корнем вырвался из бетонного основания.

В следующее мгновение они оба стремительно рухнули в разинутую пасть ночной бездны.

<http://bllate.org/book/18263/1748546>